

Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации

Е. В. Балацкий^{1,2} , Н. А. Екимова¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

²Центральный экономико-математический институт
Российской академии наук,
г. Москва, Россия

 evbalatsky@inbox.ru

Аннотация. Цель статьи состоит в систематическом рассмотрении концептуальных основ процесса формирования и поддержания общественного договора, его свойств и значения. В работе используются исторический и структурный подходы к исследованию феномена общественного договора в связке с их практическим приложением к современным событиям. Результатом исследования является обоснование и раскрытие авторами шести положений теории общественного договора. В частности, дано систематическое объяснение того, почему понимание справедливости, заложенное в основу общественного договора, существенно меняется с течением времени. Обоснована структура общественного договора, предполагающая наличие постоянной (обязательств населения) и переменной (обязательств власти) частей. Показано, что постоянная часть в форме лояльности населения позволяет сохранять в течение длительного исторического времени само государство как таковое, а переменная часть в форме меняющихся требований к власти обеспечивает эволюцию социума. Сформулированы и формализованы два условия эффективности общественного договора, когда выполнение своих обязательств обеими сторонами контракта ведет к усилению страны и улучшению положения масс: уровень обязательств верховной власти и общества должен быть примерно равным; багаж благих дел власти должен превышать багаж ее неблагих дел. Показано, что первое условие порождает свойство общественного договора, когда в экстраординарных условиях требование лояльности со стороны власти в адрес населения резко возрастает, а второе условие позволяет понять длительное существование неэффективных режимов правления типа диктатуры, когда деспотия в лице авторитарного правителя дает пользы больше, чем вреда. Основной вывод работы состоит в обосновании того, что в настоящее время в Российской Федерации сложилась уникальная ситуация для создания эффективного нового общественного договора, потребность в котором ощущалась уже давно. Представленные теоретические положения могут быть использованы в системе государственного управления для формирования содержания нового социального контракта.

Ключевые слова: концепция «Голос – Выход – Верность»; концепция «узкого коридора»; общественный договор; принцип «шкуры на кону»; социальный контракт.

1. Введение

Нынешний 2022 год во многих отношениях является знаменательным. Не вдаваясь во все аспекты его значения, сфокусируем внимание на том факте,

что ведение специальной военной операции (СВО) России на Украине спровоцировало пересмотр того, что в научной литературе принято называть общественным договором (ОД). Можно

сказать, что в этом году Россия сделала попытку освободиться от внешнего управления, под которым в той или иной степени она пребывала с момента крушения СССР – с 1991 г. [1]. Не удивительно, что такие события породили новые требования со стороны российского населения в адрес верховной власти, что и служит основанием для пересмотра прежнего ОД.

Проблематика ОД обладает ярко выраженной спецификой. С одной стороны, формирование эффективного ОД является чисто практической проблемой и занимает ключевое значение для всей системы государственного управления и верховной власти страны, с другой – осмысление этого феномена идет на протяжении всей известной нам истории цивилизаций.

Сегодня в России есть потребность в «перезаключении» ОД на иной идейной платформе, что предопределяет актуальность и необходимость возврата к старой проблеме на новой основе. Одна из задач статьи состоит в предоставлении панорамы эволюции понимания феномена ОД и рассмотрении его содержательной архитектуры для их последующего использования в проектировании новой версии ОД между российским населением и верховной властью, порожденной тектоническими геополитическими сдвигами 2022 г.

Цель исследования состоит в систематическом рассмотрении концептуальных основ формирования общественного договора, его свойств и значения как для социального развития, так и для укрепления государства.

Гипотезы исследования:

H_1 : понимание справедливости, закладываемое в понятие общественного договора, со временем принципиально меняется.

H_2 : потребность в общественном договоре и возможность его заключения

существенным образом зависят от текущих социально-экономических условий сосуществования государственной власти и общества.

Структура статьи: второй раздел раскрывает логику исследования; третий содержит обзор понимания общественного договора в широкой исторической ретроспективе – от античности до современных трактовок; четвертый направлен на раскрытие способа легитимации и широкого обнародования общественного договора; в заключении подводятся итоги рассмотренных гипотез и систематизируются основные положения современной теории общественного договора.

2. Логика и процедура обзора представлений об общественном договоре

Поставленные задачи предполагают уяснение нескольких основополагающих вопросов.

Во-первых, необходимо понять, что представляет собой ОД и каково его значение для человечества в разные исторические периоды времени, для чего нами дается дайджест представлений о нем классиков социальной философии.

Во-вторых, необходимо выяснить, насколько меняется и углубляется понимание ОД в современных социальных, политических и экономических теориях и концепциях по сравнению с классическими подходами, что предполагает трактовку социального контракта в терминах социальной науки XX и XXI вв.

В-третьих, необходимо рассмотреть более узкое и конкретное понятие эффективного ОД, для чего требуется определить признаки и условия эффективности, отчасти их элементарную формализацию и проверку степени адекватности выявленных условий на реальных примерах и событиях истории.

В-четвертых, самостоятельным вопросом, нуждающимся в рассмотрении, является переход от идеального образа ОД к его материализации в реальной социальной действительности и выяснить посредством этого силу, глубину и широту его влияния на массы и властные элиты.

В-пятых, весь комплекс рассматриваемых идей следует использовать для проверки сформулированных двух гипотез и формулирования итоговых положений современной концепции ОД, создающих основу для его дальнейшего углубленного изучения и применения в практической деятельности современной системы государственного управления.

Для достижения поставленных целей будем использовать *исторический* и *структурный* подходы к исследованию явления ОД с их практическим приложением к современным событиям. Предлагаемый подход, по нашему мнению, позволит наиболее выпукло отобразить все нюансы такой тонкой социальной сущности, как ОД.

3. Эволюция понимания общественного договора

Одно из своеобразий явления ОД состоит в отсутствии его строгого определения на фоне масштабного осмысления его сущностных моментов. В связи с этим в дальнейшем будем следовать этой традиции до того шага, пока не станет очевидным искомая дефиниция. Для этого рассмотрим основные исторические вехи в понимании ОД.

3.1. Античность

Истоки теории ОД (социально-го контракта) берут свое начало в учениях античных греческих философов, рассуждавших о естественно-правовых основах общественных отношений. Одним из первых, в чьих трудах можно

найти размышления о происхождении общества, государства и права, считается Демокрит (460–370 гг. до н. э.). Он утверждал, что развитие общества объясняется естественным процессом эволюции, когда люди вследствие страха перед стихиями природы начинают действовать сообща и со временем объединяются в сообщества для совместного решения насущных потребностей. В результате этого естественного процесса люди не только приобретают и оттачивают необходимые в повседневной жизни навыки и знания (разведение огня, строительство, язык, искусство и пр.), но и устанавливают некие правила совместного сосуществования, способствуя тем самым появлению законов и права [2].

При этом установленные законы как некое искусственное образование должны быть согласованы с законами природы, которая является сущностью вещей и подлинной основой человеческого общества. Законы, противоречащие природе, являются несправедливыми и «*дурной выдумкой*» [3, с. 121]. Задача юридических законов, по мнению Демокрита, предотвращать вражду между людьми. «Законы не запрещали бы каждому жить по своему вкусу, если бы каждый не вредил один другому, ибо зависть способствует началу вражды» [4, с. 119].

Таким образом, базовые принципы теории ОД, согласно которым социум представляет собой совокупность индивидов, чья воля подчиняется коллективным интересам, были сформулированы Демокритом уже в V–IV вв. до н. э. [5].

Дальнейшие попытки обосновать образование государства и общества, отличные от идей религиозного культа, прослеживаются в трудах софистов и выросших из их среды таких титанов мысли, как Сократ, Платон, Аристотель.

Первым, кто «в истории Европейской политической мысли

сформулировал концепцию договорных отношений между государством и его членами, его гражданами» [6, с. 53], был Сократ (469–399 гг. до н. э.). Единство морали и права лежало в основе его рассуждений о роли согласия в обществе. «Я говорю: что законно, то справедливо» [7, с. 159].

При этом именно закон и воля народа, по мнению Сократа, определяли форму государственного правления. «Правление при добровольном согласии народа и на основании законов республики он считал монархией, а правление против воли народа и не на основании законов, а по произволу правителя – тиранией» [7, с. 172–173].

Исходной идеей общественного согласия являлось добровольное решение гражданина остаться в полисе и соблюдать его порядки либо покинуть его, которое он принимал по достижению совершеннолетия. Именно добровольный характер согласия между полисом и гражданином способствовал его перерастанию в «геометрическое равенство», характеризующее политическую справедливость и добродетель [8].

Нарушить свой долг перед Афинами и их законами, являвшимися высшими родителями и повелителями для своих граждан, Сократ считал недопустимым. Именно поэтому он, несправедливо приговоренный к смерти афинским судом, отказался бежать и спасать свою жизнь. Подобный поступок Сократ считал насилием над законом государства, остаться в котором было его изначальным добровольным выбором. Бегство характеризовало бы его как нечестного гражданина и шло бы в разрез с тем учением, которому Сократ посвятил всю свою жизнь.

Идеи Сократа получили логическое продолжение в трудах Платона (427–347 гг. до н. э.), согласно которому в основе идеального государства лежит

концепция справедливости, представляющая собой согласие (единство) частных добродетелей (благоразумия, мужества, мудрости) и их носителей (философов, стражей, ремесленников и земледельцев). По Платону, мудрость, свойственная философам, позволяет им справедливо управлять государством, мужество воинов – его защищать, благоразумие земледельцев и ремесленников – добросовестно выполнять производственные функции по обеспечению всего необходимого для жизни граждан. Справедливость – общегосударственная добродетель, свойственная всем трем сословиям, существующим на условиях согласия осуществлять предписанное им назначение (править, воевать или производить) [8]. Государство признается справедливым, «когда имеющиеся в нем три различных по своей природе сословия делают каждое свое дело» [9, с. 246], а «переход из одного сословия в другое – величайший вред для государства и с полным правом может считаться высшим преступлением» [9, с. 244].

Таким образом, идеальное государство по Платону – это государство, основанное на справедливости и способное осуществлять разделение труда и поддерживать иерархию в обществе, необходимость которой обусловлена естественным неравенством людей и необходимостью их совместного проживания. К неидеальным государствам, по степени их распада, относятся тимократия, олигархия, демократия, тирания [10]. Данная градация основана на уменьшении степени согласия в обществе, а именно оно является основным условием, определяющим не только существование государства, но и его бытие как таковое [11].

Аристотель (384–322 гг. до н. э.) был тем, кто обобщил предыдущие знания и фактически оформил их в будущую

теорию ОД. Он, как и Платон, считал согласие полисообразующим началом. Однако в отличие от своего учителя он не занимался поиском совершенного государства, а признавал его естественным образованием. Человек, согласно Аристотелю, по своей природе является существом социальным, поскольку хочет жить, и политическим, так как хочет жить хорошо. Связующим звеном этих двух стремлений является согласие, создавать условия, для которого и были призваны полисы [8].

Огромное значение для поддержания общественного согласия Аристотель придавал справедливости, считая, что ее отсутствие порождает недовольства в обществе и приводит к войнам. Именно поэтому он призывал к публичным рассуждениям о справедливости, поскольку был убежден в том, что для существования государства «...самое необходимое – решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях граждан между собой» [12, с. 603].

При этом достижение той самой справедливости он видел в относительном равенстве граждан, что свойственно, по его мнению, для общества, в котором преобладает средний класс, поскольку «...наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве. <...> Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распущенной демократии, так и из олигархии,

значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни им» [12, с. 508].

Идеи общественного договора присутствуют в произведениях еще одного афинянина – Эпикура (342–271 гг. до н. э.), согласно которому «...справедливость не существует сама по себе; это – договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается» [13, с. 323]. Тем самым Эпикур признавал, что главная задача государства – обеспечение взаимной безопасности граждан в определенном месте и времени, реализация которой возможна только при условии достижения согласия в обществе.

Таким образом, в основе ОД и общественного согласия, по мнению античных мыслителей, лежала *справедливость*. Однако само понятие справедливости у них существенно разнилось. Для одних справедливость заключалась в жестком разделении труда и необходимости придерживаться этого разделения, тогда как другие воспринимали справедливость как согласие, достигаемое в обществе при относительном равенстве его членов. Кроме того, согласие в античности выступало как государствообразующее понятие и было обусловлено необходимостью людей объединяться в сообщества.

3.2. Средневековье

Учения древнегреческих философов во многом нашли свое отражение в трудах римских мыслителей, однако с закатом античности культурно-философские традиции практически полностью слились с религиозными воззрениями и на смену учению о человеке пришло учение о Боге. В это время идеи ОД практически не развивались, а если и рассматривались, то применительно к светскому, а значит, временному

и не требующему серьезного изучения государству [14]. Несмотря на это, в эпоху Средневековья можно обнаружить примеры существования ОД, одной из специфических разновидностей которых является Новгородская контора¹ Ганзейского союза, просуществовавшего почти 500 лет с конца XII по XVII в.

Ганзейский союз был крупнейшим объединением вначале торговцев, а после и городов, участвовавших в международной торговле. У него было четыре крупных представительства (в Лондоне, Брюгге, Великом Новгороде и Бергене), филиалы которых можно было встретить в любых портах мира. Старейшая из четырех контор, Новгородская, была основана в начале XIII в. Ее основной задачей являлось обеспечение безопасности купцов, создание благоприятных условий для торговли и контроль за соблюдением законов [15].

Изначально Новгородская контора была независима от любого внешнего воздействия и действовала на основании Конституции (Skra), которая устанавливала политическую власть в лице двух старейшин, представлявших законодательную и судебную власти. Они созывали пленарные собрания, на которых были обязаны присутствовать все торговцы, сотрудничавшие с Новгородской конторой, поскольку на этих собраниях вырабатывались внутренние и торговые правила Конторы. Разработанные правила фактически представляли собой социальный контракт между всеми членами торгового сотрудничества и Конторой, и любой купец, решавший отправиться в Новгород, либо принимал добровольное соглашение его соблюдать, либо отказывался от поездки в случае несогласия с ним. Со временем Новгородская контора перешла в подчинение городам

¹ Конторы – зарубежные торговые представительства Ганзы.

Ганзейского союза (Любек, Висбю, Ревель), что фактически привело к утрате ее независимости и прекращению действия ОД [16].

Таким образом, в эпоху Средневековья ОД стали играть не столько государствообразующую роль, сколько выступать в качестве фактора, позволяющего функционировать *любым* формам человеческих объединений. При этом для формирования социального контракта определяющими являлись три фактора: согласованные предпочтения в отношении общественных благ, однородные социальные нормы и небольшой размер группы [16], а к критериям, которые необходимо соблюдать, чтобы общественный договор существовал, относились наличие письменного документа, направленного на установление политической власти; переход от естественного состояния общества к объединению, где действует политическая власть; добровольный характер соглашения для всех членов общества, в котором действует ОД [17].

3.3. Новое время

Свое полное развитие теория ОД получила в Новое время, чему в полной мере способствовал конфликт интересов старого феодального Средневековья и зарождающихся буржуазных отношений. «Царство разума», пришедшее на смену религиозным воззрениям, потребовало пересмотра сложившихся политических и общественных институтов. Идея смирения и всепрощения, предлагаемая церковью, не могла разрешить нараставший социальный конфликт. Концепция ОД стала идеологической основой прокатившихся по Европе буржуазно-демократических революций.

Несмотря на то, что основоположниками теории считаются Томас Гоббс (1588–1679) и Джон

Локк (1632–1704), нельзя не отметить вклад в ее развитие голландского юриста и философа Гуго Гроция (1583–1645). В своем трактате «О праве войны и мира» (1625) он, продолжая традиции Аристотеля, разделил право на естественное, вытекающее из природы человека, и волеустановленное, искусственно созданное [18]. «Право естественное есть предписание здравого разума», столь незыблемое, что «не может быть изменено даже самим богом» [19, с. 7, 8]. Именно здравый смысл и «бессилие отдельных рассеянных семейств против насилия» способствовали формированию ОД и появлению государства. При этом государство Гроций определяет как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [19, с. 12].

Источником волеустановленного права является воля; она может быть как человеческой, так и божественной. Народ имеет право выразить свою волю и выбрать любую форму правления, но выбрав, не может ее изменить без согласия правителей. Ради выполнения поставленных целей государство, обладающее верховным правом, «...может наложить запрет на это всеобщее право сопротивления ради сохранения естественного мира и государственного порядка. <...> Ибо если сохранить такое всеобщее право сопротивления, то будет уже не государство, но беспорядочная толпа, как у циклопов» [19, с. 117].

Таким образом, Гроций, как и его предшественники, в споре между свободой и миром встает на сторону мира, соглашаясь с Фавонием, что «гражданская война хуже незаконного правления» [19, с. 139], и считает естественное право единственным действенным средством поддержания справедливости [20].

Идеология Гоббса, изложенная в сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства

церковного и гражданского» (1651), основана на двух состояниях человека – естественном и общественном (гражданском). Естественное состояние человека, характеризуемое его желанием получать и делать все, что хочется, натывается на аналогичные желания другого человека, что способствует росту вражды и снижению безопасности. Человек в таком состоянии асоциален и аполитичен [21].

Отсутствие гражданского состояния означает соперничество, недоверие, жажду славы и ведет к «войне всех против всех» [22, с. 86]. Для того чтобы повысить безопасность и избежать войны, люди вынуждены объединяться и договариваться, отказываясь от некоторых своих естественных прав в пользу общественной безопасности. «Отказаться от права на все вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты, и довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе. Ибо до тех пор, пока каждый человек держится за это право – делать все, что он хочет, все люди будут находиться в состоянии войны» [22, с. 90]. Гарантом соблюдения данного договора выступает власть, а добровольное согласие человека выполнять принятое соглашение является источником справедливости, которой не существует в догосударственном обществе [23].

Тем самым формируется договор общества с сувереном, расторжение которого является нарушением принципа справедливости, и образуется общность людей, объединенная единым согласием, которая и называется государством (Левиафаном). Левиафан (смертный Бог) – мифологическое чудовище, которое, по Гоббсу, символизирует могущественное

государство, гарантирующее мир и безопасность своим гражданам.

Таким образом, «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [22, с. 123]. Идеальной формой государственной власти, по мнению Гоббса, является монархия.

Естественное состояние людей, по Локку, это состояние «...полной свободы в отношении их действий», а также «...равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого» [24, с. 2–3]. Однако естественное состояние человека – это его свобода и равенство перед Богом, ограниченные законами природы, согласно которым человек не имеет права наносить вред другому и являться угрозой его жизни. Люди могут добровольно объединяться в сообщества «...для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользуясь своей собственностью и находясь в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества» [24, с. 56].

Фактически речь идет о том, что люди могут добровольно объединяться в сообщества и делегировать часть своих функций правительству, заключая с ним ОД в целях развития общества и защиты своих естественных прав (жизни, свободы, собственности). Тем самым происходит переход от естественного состояния людей к гражданскому обществу, власть в котором представлена тремя ветвями – законодательной, исполнительной и федеративной. Первая принимает решения (закон), вторая воплощает их в жизнь, третья регулирует взаимодействие государства с другими странами [25].

Таким образом, и Гоббс, и Локк рассматривали государство как средство общего согласия, которое возникает вследствие перехода человека из естественного состояния к общественному (гражданскому). Однако Гоббс считал, что при общественном согласии государство обладает абсолютной властью над обществом, тогда как, по мнению Локка, власть *дается взаимы* при сохранении права этот долг забрать в любой момент, а значит, правительство становится незаконным, если нарушает правила общественного договора [26]. Локк допускал, что государство может быть несправедливым, поскольку справедливо могут действовать только люди, объединенные в группы, тогда как по Гоббсу именно государство является гарантом справедливости и безопасности людей [21, 25].

Продолжателем идей Гоббса и Локка является Жан-Жак Руссо (1712–1778), который рассматривал ОД как некое соглашение, требующее постоянного продления путем проведения общественных собраний, на которых и народ, и власть давали бы свой ответ на вопрос о его сохранении [21]. «Открытие таких собраний, которые имеют предметом только сохранение общественного договора, должно начинаться двумя предложениями, которых никогда нельзя отменить и которые должны голосоваться каждое отдельно. Первое: “Угодно ли суверену сохранить существующую форму правительства?” Второе: “Угодно ли народу оставить управление в руках тех, на которых оно теперь возложено?”» [27, с. 88]

Его идеи, изложенные в трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762), основаны на том, что, заключая ОД, человек становится частью общества, теряет естественную свободу и при этом обретает гражданскую свободу и право

собственности [25]. «Каждый из нас отдает свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» [27, с. 13].

Отличительной чертой ОД по Руссо является то, что гарантом справедливости в обществе выступают не ограничения, накладываемые законами, а разум и совесть человека. «Без сомнения, есть одна абсолютная всеобщая справедливость, проистекающая исключительно из разума...» [27, с. 31].

Главной целью заключения ОД, по мнению Руссо, является устранение неравенства и предоставление свободы и равенства для всех людей, а потому если кто-то один сосредоточит власть в своих руках и будет способствовать закабалению народа, то договор перестанет быть подлинным и будет требовать пересмотра [28].

Идеи ОД Руссо оказали существенное воздействие на мировоззрение Наполеона Бонапарта, который связывал появление политической власти с добровольным согласием людей отказываться от части своей естественной свободы в пользу совместного существования при сохранении за ними права создавать законы и делегировать контроль за их выполнением небольшой группе людей.

Эта философия позволила юному Наполеону обосновать борьбу корсиканцев с генуэзской властью как право народа на свержение власти, которая лишила «...счастья добродетельный и мирный народ, вынудила многих покинуть родину» [29, с. 178]. К моменту прихода к власти Наполеон отошел от идеи Руссо о неделимости народного суверенитета, однако воплотил в жизнь его другую теоретическую установку о всенародном референдуме как способе легитимизации народного мнения,

проведя четыре референдума, направленных на закрепление и усиление власти [29].

К концу эпохи Нового времени происходит трансформация концепции ОД, связанная с возрастанием справедливости социальной политики государства. Так, согласно Иммануилу Канту (1724–1804), ОД является некоей идеей, накладывающей моральные обязательства на каждого законодателя при разработке и принятии законов. Закон, по мнению Канта, должен быть таким, чтобы его мог бы поддержать каждый гражданин; в противном случае он не справедлив. Фактически ОД является средством поиска справедливости и решения моральных проблем. Однако сегодня считается, что сама по себе идея всеобщего согласия утопична, поскольку защищает моральные и политические концепции только той части населения, которая формирует и поддерживает эти установки [26].

Таким образом, теория ОД Нового времени описывает своеобразный механизм согласования личного и общественного, поиск компромисса между естественным состоянием человека, основанном на эгоизме и естественной свободой, и общественным, ориентированным на гражданские свободы и право собственности. В отличие от предыдущего периода власть уже не рассматривается как нечто божественное и требующее безусловного подчинения.

Власть, согласно концепции Нового времени, – это порождение человеческой воли, а инструментом ее легитимизации выступает ОД, который призван обеспечить равновесие интересов государства и личности, справедливый общественный порядок и может быть расторгнут в случае невыполнения государством своих обязательств перед гражданами.

Кроме того, общественный договор Нового времени позволил защитить права и свободы зародившегося класса собственников, которые в обмен на гарантии государства платили налоги и соблюдали установленные в обществе законы.

3.4. Новейшее время и современность

Идея ОД, на протяжении многих веков выступавшая идеологической основой создания и дальнейшего функционирования государства, не утратила своей актуальности и в наши дни. Договор, существующий преимущественно в неформальной форме, отражает обязательства власти перед населением страны, которые возникают как ответ на запрос граждан этой страны и лежат в основе общественно-го порядка и социальной сплоченности.

Одним из современников теории ОД является Джон Ролз (John Rawls) (1921–2002), продолживший в своих трудах концепцию Канта. В своем произведении «A Theory of Justice» (1971) он описал общество как систему сотрудничества для получения общих преимуществ, позволяющих людям жить лучше, чем они жили бы вне общества. Стороны договора должны быть независимыми от предрассудков, высокоморальными и лишены когнитивных деформаций; только в этом случае в обществе достижима истинная справедливость [26]. Однако такой подход, базирующийся на индивидуалистических убеждениях, подразумевает конфликт интересов как в трактовке понятия справедливость, так и при распределении социальных благ и обязанностей, в результате чего возникает необходимость в установлении принципов социальной справедливости, регулирующих права и обязанности основных общественных институтов [30, 31]. Исходя из этого,

распределительная концепция справедливости Ролза базируется на двух ключевых принципах: равное право каждого на общую систему базовых свобод; компенсация социального и экономического неравенства созданием возможностей, приносящих наибольшую пользу наименее обеспеченным членам общества [32].

В дальнейшем распределительная парадигма справедливости Ролза расширяется двумя противоположными, но взаимосвязанными способами: перераспределением и признанием [33]. При этом сосредоточение внимания только на перераспределении способствует росту напряженности в обществе со стороны миноритарных групп [34, 35], признание которых имеет основополагающее значение для устранения структурного неравенства [36]. Стремясь к признанию, миноритарные группы борются за большее уважение к их социальному вкладу [37].

Таким образом, социальный контракт в современном обществе обретает иное звучание, когда государство выступает гарантом отдельного индивида как части гражданского общества, а не арифметической суммы индивидов, как в Новое время.

В странах, где сильно влияние религии, основой современного социального контракта выступает священная книга (например, Евангелие в городе-государстве Ватикан и Коран и Сунна в Саудовской Аравии), а формальная договоренность между государством и населением уступает место договору между Богом и Человеком. Однако большая часть государств сегодня относится к категории светских, где в основе государственности лежит баланс интересов между верующими (последователями различных религий) и неверующими. При этом в тех государствах, где наблюдается частичное переплетение институтов церкви и власти, влияние

религиозных доктрин оказывает значительное влияние на формирование государственных основ (например, в Италии и Израиле) [38]. В остальных странах ОД принимает различные формы общественно-государственных отношений, таких как, например, гражданское общество [39], пакт [28], модель совещательной (делиберативной) демократии [40] и другие.

Наиболее близкой к классической трактовке ОД является модель гражданского общества. «Общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор. Гражданское общество – это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество – это модель договора» [39, с. 7]. Вместе с тем нельзя не отметить и то, что подобное смешение понятий ОД и гражданского общества является некорректным: развитое гражданское общество выступает условием эффективного ОД – не более. Об этом подробнее чуть ниже.

Еще одной современной модификацией ОД является пакт, формальное соглашение, отличающееся от договора более жесткой системой табу, ограничивающей влияние граждан на политический процесс, и отказом гражданами от большей части свобод не ради стабильности и порядка в государстве, как при классическом ОД, а ради материальных благ и защиты. При этом эволюция идеи ОД к концепции пакта, лишаящей общество рычагов воздействия на власть, в XXI в. связывается с возобладанием в мире авторитарных тенденций и пересмотром понятия «свобода» от равенства возможностей до способности пользоваться ограниченным количеством прав [28].

Наиболее прогрессивной и перспективной считается модель совещательной демократии Юргена Хабермаса (Jürgen Habermas), которая базируется на идее коммуникативного дискурса и компромисса и объединяет в себе элементы как либеральной демократии, основанной на «программировании государства в интересах общества» [41, с. 381], так и республиканской, где «...политика понимается как форма рефлексии над жизненным контекстом нравов» [41, с. 382].

В качестве базового принципа функционирования совещательной демократии, по мнению Хабермаса, выступает учет общественного мнения при принятии важных политических решений, выработанного в процессе коммуникативного дискурса (например, при активном участии средств массовой информации и с помощью сетевых компьютерных технологий) и свободно от каких-либо внешних и внутренних принуждений. При этом центральное место в политическом процессе отводится формированию мнений и воли, как в республиканской модели, при сохранении границы между государством и обществом, характерной для либеральной демократии [42].

Несмотря на прогрессивность идеи коммуникативного дискурса, социальная философия Хабермаса достаточно часто подвергается критике, особенно в части ее практического приложения [43]. Прежде всего критика связана с абстрактностью теории [44] и сосредоточенностью на локальных коммуникативных практиках [45, 46], например, в контексте городского планирования [47]. Кроме того, отдельные исследователи считают такой подход деструктивным, поскольку он может нанести вред сложившейся практике планирования в интересах доминирующей части общества [48, 49], в связи с чем правомерно задать вопрос: что может

побудить влиятельных акторов отказаться от власти и придерживаться силы аргументов [50]?

Таким образом, аргументированный стиль дискурса и ориентация на консенсус Хабермаса нарушают плюрализм, типичный для современных обществ [51, 52]. Тем не менее сторонники философии Хабермаса убеждены, что его теория заслуживает более многогранного изучения [43], поскольку может способствовать достижению консенсусов, по крайней мере в отношении институтов, составляющих либеральную демократию [53].

Примечательно, что, несмотря на принцип свободного волеизъявления и недопустимости какого-либо внешнего давления на формирование ОД внутри страны, современные «демократические» общества в качестве ключевой причины военных конфликтов, вспыхнувших в первые десятилетия XXI в. в странах Ближнего Востока и Северной Африки, называют стремление пересмотреть устаревшие ОД, сложившиеся после обретения независимости этих стран в середине прошлого века [54, 55], а также авторитарную стабильность и стойкость недемократических правителей [56].

Примером удачного перехода к основам демократии и нового ОД, по мнению адептов демократии, является Тунис [57], тогда как формирование нового социального контракта в целом ряде стран привело не только к гражданским войнам, но и позволило оправдать непосредственное участие «лидеров демократии» в этих конфликтах.

Так, внешнее вмешательство в национальные вопросы Ирака, по мнению авторов статьи [58], было следствием хрупкости и несостоятельности государства, не сумевшего обеспечить основное общественное благо социального контракта, основанного на определении

внешних и внутренних врагов, а также физическую защиту населения. В свою очередь международная интервенция в Ливию в 2011 г. объясняется неудачами в построении ОД в глубоко разделенном обществе, «страдающем» от режима М. Каддафи, стремлением запустить процесс миростроительства и сформировать новый социальный контракт как основу демократического порядка в этой стране [58]. Военное давление на Сирию было обусловлено неудачами авторитарного ОД и неспособностью государства определять условия гражданства и обязательства населения [59]. Упадок первоначального ОД, базирующегося на обмене политических прав на социально-экономические блага, привел к росту социальной нестабильности и массовым восстаниям [60].

Стоит отметить, что в современном обществе понятие ОД вышло за пределы отдельного государства и рассматривается в том числе в глобальном масштабе. Так, например, складывающиеся социальные тенденции и политические вызовы, такие как пандемия, геополитическая инверсия, конец экономического роста, истощение ресурсов, неопределенность, требуют пересмотра глобального социального контракта в сторону большего перераспределения, признания социальных групп, пострадавших от глобализации, и усиления мультикультурной политики [61–63].

Пожалуй, последним словом в теории ОД является *концепция «узкого коридора»*, выдвинутая в очередной монографии Дарона Аджемоглу (Daron Acemoglu) и Джеймса Робинсона (James Robinson) [64]. Согласно их взглядам и терминологии, построение современного эффективного государства возникает в условиях политического равновесия – между государством и обществом. В данном случае речь идет о взаимодействии двух групп

факторов – институтов (государства) и культуры (общества). В реальности институты и культура выступают в нерасторжимом единстве и их можно разделить лишь условно. Тем не менее их синтез предполагает две функционально разные сущности – содержание (культуру) и форму (институты). Установки, представления, идеалы и поведенческие модели людей (культура) находятся в своеобразной оболочке формальных и неформальных правил поведения (институтов), что в совокупности и дает культурно-институциональный портрет страны.

В соответствии с концепцией «узкого коридора» множество эффективных взаимодействий между обществом (массами) и государством (элитами) образует узкий коридор, войти в который и удержаться в котором можно лишь при соблюдении множества условий. Если таковые соблюдены, то между институтами и культурой возникает плодотворный режим взаимоусиления (Обузданный Левиафан), в результате чего дееспособность (мощь) государства и возможности (свободы) общества возрастают. Такой режим подразумевает *эффект «Красной королевы»*, когда массы и элиты прикладывают непрекращающиеся усилия на пределе своих возможностей для сохранения политического статус-кво² [64]. В противном случае между государством и обществом возникает война, заканчивающаяся победой либо общества – с организационной анархией (Отсутствующий Левиафан), либо государства – с деспотией власти (Деспотический Левиафан).

Сам феномен узкого коридора в концепции «узкого коридора» имеет графическое воплощение в координатах

² В русскоязычной литературе эффект «Красной королевы» называют эффектом «Черной королевы»; нами сохраняется авторская версия названия [64].

на плоскости «сила общества/сила государства», в которых отражается положение указанных двух субъектов; на графике имеет место «узкий коридор» вокруг биссектрисы, обозначающий зону, в которой государство и общество обладают примерно равной силой и где возможно конструирование Обузданного Левиафана. Далее мы воспользуемся некоторыми элементами концепции «узкого коридора» для рассмотрения современных событий.

3.5. Россия: от древности до наших дней

В России, как и в других странах, ОД на протяжении столетий определял политику власти. Договорные отношения в политике князя владимирского и московского Василия III (1479–1533), направленной на соби́рание русских земель, заключались в наделении дворян землей и поместьями в обмен на их обязательную службу. Восхождение на трон Михаила Романова в 1613 г. было результатом социальных соглашений, достигнутых на Земском соборе. Однако в России были и критики традиционной парадигмы ОД. Например, противником договорной природы власти выступал граф Михаил Сперанский (1772–1839) [14].

В XVIII–XIX вв. идеи общественного договора подхватили Александр Радищев (1749–1802), утверждавший, что «...человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных» [65, с. 478], а позже Александр Герцен (1812–1870) и декабристы (Муравьев-Апостол, Пестель) [21].

В советское время идея суверенитета народа была реализована посредством общественного контроля населением деятельности советского государства, главной целью которого, по мнению В. И. Ленина, была борьба

с бюрократией, попытками обособления власти и узурпацией власти государственным аппаратом [21].

В годы войны 1941–1945 гг. стихийно сложился ОД, согласно которому спасение страны поручалось ее верховному правителю – И. В. Сталину, а народ соглашался на беспрекословное повиновение власти.

В 1980-е годы наметился новый запрос населения на ограничение роли коммунистической партии в жизни общества. Наиболее отчетливо этот запрос стал проявляться в период правления М. С. Горбачева, однако верховная власть в его лице не «услышала» это требование, в результате чего лишилась поддержки народа, что и привело в конечном счете к распаду СССР в 1991 г. Правительство Б. Н. Ельцина в новом государстве – Российской Федерации – удовлетворило предыдущий запрос населения и де факто ликвидировало гегемонию коммунистической партии, что и позволило ему продержаться два срока. Однако уже в конце 1990-х гг. в России сложились новые запросы общества к власти – предотвращение дальнейшего распада государства и ликвидация криминального режима жизни страны в период правления Б. Н. Ельцина. Удовлетворение этих требований правительством В. В. Путина позволило ему удерживать позиции на протяжении последующих 23 лет вплоть до настоящего времени.

4. Особенности общественного договора: новые штрихи

Сегодня некоторые аспекты феномена ОД стали более ясными и понятными, что позволяет внести уточнения в само учение о социальном контракте.

Так, из сказанного ранее ясно, что ОД является чрезвычайно тонкой социальной субстанцией нематериальной природы, ибо это отношения между

двумя субъектами – суверенной верховной властью и обществом (народом, населением). Первый субъект отнюдь не идентичен правительству страны, а только его верхушке (суверену), наделенной максимально большими полномочиями по управлению страной и независимостью от внешних сил по формированию управленческих решений (президент, канцлер, премьер-министр и пр. в зависимости от типа государственного правления). Иногда этого субъекта может вообще не существовать, например в государстве с внешним управлением, когда ключевые решения принимаются не внутри страны ее суверенным правительством, а за ее пределами – правителями других стран; решения извне транслируются и проводятся управленцами местного правительства, которое в таких случаях не является договороспособным. Иногда и второй субъект ОД – общество – может не иметь окончательного оформления, не обладать необходимым единством, что также делает его недоговороспособным. Таким образом, ОД не всегда и не в любом государстве существует, а выступает своеобразным критерием зрелости самого государства.

Например, в постсоветских странах, в которых после 1991 г. были почти повсеместно поставлены марионеточные Соединенным Штатам правительства, формирование эффективных ОД было не просто затруднено, но и практически невозможно. Только с течением времени, когда в них постепенно откристаллизовались и самоорганизовались субъекты ОД, стало возможно и формирование его повестки. Однако сказанного недостаточно для понимания ограничений, действующих в отношении феномена ОД. Помимо самого наличия субъектов ОД, необходимо еще и выполнение по крайней мере следующих двух фундаментальных условий.

Во-первых, социальная активность масс должна превышать некую *критическую отметку*, когда ее «голос» становится слышен власти; противном случае возникает Деспотичный Левиафан. Однако, по выражению С. Снегова, «... полное единомыслие возможно только в очень простых случаях» [66, с. 221]. Следовательно, по сложным общественным вопросам полного единства мнения в обществе может не быть, но хотя бы большинство населения должно разделять определенную позицию, формируя тем самым *консолидированное мнение*.

При этом степень организованности этого большинства должна быть достаточной для донесения своей позиции до верховной власти. Подобные политические ситуации были раскрыты Альбертом Хиршманом (Albert Hirschman) в его концепции «Голос – Выход – Верность» [67]. Согласно ей, в политической системе общество имеет две альтернативы: либо осуществить выход с рынка (государства), либо подать *голос* в виде различных форм публичного возмущения, позволяющих коренным образом изменить сложившееся положение дел [67, с. 39].

Например, Дэннис Мюллер (Dennis Mueller) уточняет, что под «голосом» понимается волеизъявление посредством письменной, вербальной или речевой коммуникации [68, с. 237]. Напомним, что в теории Чарльза Тибу (Charles Tiebout) опция «выход» представлена молчаливым «голосованием ногами», подразумевающее миграцию субъекта из «плохого» места в «хорошее» [68, с. 243].

В терминах концепции «Голос – Выход – Верность» при наличии у верховной власти «политического слуха», она корректирует свою политику в соответствии с прозвучавшим общественным голосом, результатом чего является *верность* (лояльность) народа.

Если же возможности опции «выход» исчерпаны (а все население не может уехать из страны (!)), а власть не слышит «глас» народа, то сублимированная энергия протеста проявляется в форме «революций». Именно инверсия опции «верность» в опцию «революция» и является фундаментальной основой ОД; сегодня уже имеются вполне конструктивные теории революции [68, с. 266].

Объединение концепции «Голос – Выход – Верность» и понятия ОД позволяет понять, что искусство поддержания эффективного социального контракта лежит в основе *проектирования новых институтов* и социального прогресса. При этом следует иметь в виду, что опция «голос» несет в себе больший преобразующий заряд, чем опция «выход». Действительно, уходя из системы, мы оставляем ее в прежнем состоянии и тем самым способствуем ее консервации, тогда как артикулируя свое недовольство и возмущение ею, мы делаем первый шаг к ее *преобразованию* [69].

В контексте сказанного можно утверждать, что не только правительство Б. Н. Ельцина, но и правительство В. В. Путина до 2022 г. крайне плохо слышало запросы общества. Специальная военная операция 2022 г., если так можно выразиться, обострила политический слух правительства В. В. Путина, что и является основой формирования нового ОД.

Во-вторых, социальные риски верховной власти от допущенных ею ошибок также должны превышать некую *критическую отметку* для того, чтобы ее действия стали по-настоящему легитимными, то есть опирались на верность народа. В литературе это требование получило название *принципа «шкурты на кону»*, который звучит следующим образом: «Тех, кто ничем не рискует, нельзя допускать к принятию каких бы то ни было решений» [70, с. 28].

Как справедливо замечает сам Нассим Талеб (Nassim Taleb), идея принципа «шкуры на кону» вплетена в историю человечества: общества управлялись теми, кто принимает на себя риск, а не теми, кто его навязывает другим. Отказ от принципа «шкуры на кону» ведет к тому, что лицо, принимающее решение, не несет ответственности за него и тем самым перекладывает риски принятого им решения на других людей. Такая ситуация рано или поздно ведет к ничем неоправданной социальной катастрофе.

Долгое время в России назначения на управленческие должности происходили вопреки принципу «шкуры на кону»: человек, получивший высокий пост с сопутствующими ему бонусами (деньги, власть, положение), мог полностью развалить находящийся в его ведении объект управления, после чего переводился на другую работу – с повышением. Похожая ситуация давно наблюдается в частном и государственном секторах почти во всех странах мира. Вместе с тем именно адресная расплата за допущенные ошибки выступает в качестве основы выживания общества; в противном случае информация об ошибках «глушится», ее наличие становится неочевидным и возникает возможность бесконечного повтора нежелательных явлений [71].

Сказанное недвусмысленно приводит к выводу о том, что верховная власть России до 2022 г. фактически не следовала принципу «шкуры на кону», а потому была недоговороспособна и никакого ОД с ней заключать было нельзя. И именно эта ситуация оказалась радикально изменена событиями специальной военной операции. Теперь совершенно ясно, что все запросы населения обращены к верховному лидеру страны, ее верховному главнокомандующему – В. В. Путину, а не к кабинету

правительства, администрации президента и прочим органам власти. Это связано не только с концентрацией большой власти в руках президента страны в условиях специальной военной операции, но и с тем фактом, что именно он поставил «шкуру на кон». Именно это обстоятельство делает фигуру президента страны легитимной в отличие от всех остальных участников специальной военной операции, именно поэтому именно к нему направлены новые запросы населения и именно поэтому он может и должен услышать требования нового ОД.

Совмещение концепции «Голос – Выход – Верность» и принципа «шкуры на кону» создает прочную платформу для эффективного социального контракта.

Отдельного пояснения требует вопрос о соотношении постоянной и переменной частей ОД при особых обстоятельствах и их связи с другими нормативными документами. Во-первых, ОД нельзя напрямую ассоциировать ни с каким из существующих нормативных документов. Например, даже Конституция страны вбирает в себя множество вопросов, являющихся частными и несущественными с точки зрения ОД, тогда как положения ОД могут вообще не содержаться в основном законе. Некоторые пункты ОД могут фигурировать в других нормативных актах, но тем не менее в целом они не заменяют друг друга, в том числе из-за неформального характера социального контракта. Во-вторых, особые обстоятельства, как правило, меняют содержание переменной части ОД и масштаб требований в ее постоянной части. Например, проблема войны не относится к вопросам, требующим полного единодушия населения, ибо «война – не предмет торга» [66, с. 432].

Тем самым в особых обстоятельствах у верховной власти расширяется

функционал государственного управления. Кроме того, постоянная часть ОД в виде лояльности населения к власти в такие периоды растет количественно – власть требует от народа более тотальной верности. Именно этим обстоятельством обусловлено ужесточение мер в адрес лиц, выступающих против политики властей в период специальной военной операции. Этот принцип ярко проявляется в том, что критика действий властей различными индивидами карается большими сроками тюремного заключения и быстрым судебным рассмотрением подобных обвинений.

5. Манифестация общественного договора

Несмотря на то, что, как уже неоднократно отмечалось, ОД является неформальным институтом и носит нематериальную форму неписанных договорных *отношений*, его материализация в некоторых случаях все-таки может проявляться в весьма впечатляющих артефактах. Рассмотрим некоторые из них, которые являются наиболее хрестоматийными и содержательными.

5.1. Фрески

Пожалуй, самой впечатляющей художественной манифестацией глубинного смысла и философии ОД являются фрески Палаццо Пубблико (Palazzo Pubblico) работы Амброджо Лоренцетти (Ambrogio Lorenzetti), выполненными им в 1338–1339 гг. в Зале Девяти (Sala dei Nove) городской ратуши Сиены (Тоскана, Италия)³. В этом зале в XIV в. происходили заседания Совета Девяти, фрески на стенах которого отражают взгляды сиенских правителей на общественное и государственное устройство Сиенской Республики. Фрески Палаццо Пубблико представлены

³ В настоящее время в здании размещаются ратуша и музей.

четырьмя фрагментами – Аллегорией доброго правления, Плодами доброго правления в городе, Плодами доброго правления в деревне и Аллегорией дурного правления. Фрески изображают своеобразный аллегорический ОД между народом и властью в характерной для того времени форме коммуны. Последние с XI в. возникли по всей Италии – в Пизе (1085), Милане (1097), Генуе (1099), Павии (1112), Бергамо (1117), Болонье (1123), Сиене (1125) [64, с. 191]. Считается, что по сравнению с другими итальянскими коммунами в Сиене не было ничего особенного, кроме уникальных фресок, повествующих о характере государственного устройства того времени [64, с. 193].

Для демонстрации смысла ОД средневековых городов-государств рассмотрим наиболее представительный фрагмент фрески Палаццо Пубблико – Аллегорию доброго правления. В центре композиции находится фигура Правителя в окружении добродетелей: слева – Стойкость, Благоразумие и Миролюбие, справа – Умеренность, Справедливость и Великодушие. Учитывая, что в 1338 г. в Сиене не было единого правителя, современные исследователи делают вывод, что его фигура олицетворяла Сиенскую коммуну; об этом свидетельствуют, в частности, буквы над головой правителя – C.S.C.V., означающих фразу «Commune Senarum Civitas Virginis», переводимую как «Сиенская коммуна, город Девы» [64, с. 190]. Характерным элементом картины является восседающее слева от Миролюбия Правосудие с весами в руках. С весов спускается двойная веревка, которую к Правителю переносит 24 фигуры, представляющие Совет двадцати четырех, ранее заседавший в Сиене. При этом 24 человека, представляющие собой общество, держат веревку, но не удерживаются ею. Это

означает, что право судить предоставляется Правителю обществом, но не предоставляются самому обществу или напрямую Правителю. Веревка же завязана на запястье Правителя, что говорит о его обуздании обществом [64, с. 196]. Таким образом, политическая форма коммуны служит общему благу, потому что Правитель связан Правосудием (Обузданный Левиафан), а граждане соединяют Правосудие с Правителем. Остальные фрагменты фрески развивают эти идеи, в том числе показывают результаты нарушения сторонами визуализированных принципов ОД.

5.2. Гербы

В ряде случаев ОД находит свое отражение, хотя бы частичное, на государственных гербах. Для примера рассмотрим сначала герб Великобритании. Так, его центральным элементом является разделенный на четыре части щит, который таит в себе определенное противоречие. Так как Объединенные Королевство имеет четыре составные части – Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию, то было бы логично, если бы каждая указанная территория и ее народ получила свою четверть на британском щите. Однако в реальности ситуация обстоит иным образом – две части щита занимает символ Англии (три золотых льва с вытянутыми вперед и назад верхними и нижними лапами соответственно), одну часть – Шотландии (стоящий на задних лапах красный лев), и еще одну – Северной Ирландии (арфа), тогда как символика Уэльса вообще не отражена на гербе Объединенного Королевства.

Тем самым на гербе осуществлена манифестация того факта, что Уэльс, который никогда не был самостоятельным королевством, согласен со своим второстепенным положением в образованном

союзе. Однако это не все: по правую сторону щита (для зрителя – слева) его придерживает английский золотой лев, стоящий на задних лапах, а по левую сторону – серебряный единорог, также стоящий на задних ногах; сверху щит венчает фигура золотого английского льва; в довершение ко всему серебряный единорог скован золотой цепью, обозначающей знак подчинения Шотландии Объединенному Королевству, а его красный лев на щите находится в двойной красной кайме, которая служит дополнительным доказательством указанного подчиненного положения северного народа. Вся композиция расположена на зеленой лужайке, поросшей английскими красно-белыми розами, шотландским трехлистным чертополохом и ирландским клевером; даже на траве не нашлось места для символического растения Уэльса.

Приведенное описание, на первый взгляд, кажется унижительным для Шотландии и тем более для Уэльса, однако время показало, что этот вариант ОД между четырьмя народами и верховной властью Объединенного королевства уже много столетий продолжает действовать, следовательно, он по-прежнему не утратил свою силу и эффективность.

Вместе с тем периодические сепаратистские импульсы Шотландии приводят к референдумам по вопросу ее отделения от Объединенного королевства и расторжения прежнего ОД, но результаты этих референдумов пока неизменно подтверждают лояльность шотландцев верховной власти острова. Так, первый референдум независимости Шотландии прошел в 2014 г., однако большинство голосовавших (55,3 %) высказались против отсоединения. Разговор о повторном плебисците возобновился после выхода Великобритании

из ЕС в связи с несогласием Шотландии с таким решением и желанием остаться членом ЕС. Ориентировочный срок его проведения был назначен на конец 2021 г., однако пандемия COVID-19 нарушила эти планы, сдвинув запланированные сроки на более поздний период. Весной 2022 г. первый министр Шотландии Никола Стерджен (Nicola Sturgeon) анонсировала проведение второго референдума о независимости Шотландии 19 октября 2023 г. Несмотря на то, что Лондон выступил против голосования, власти Шотландии считают, что регион имеет право на его проведение, поскольку подобный запрет ставит «...под вопрос саму идею Британии как добровольного партнерства»⁴.

Прямо противоположный пример связан с гербом СССР, в центре которого изображен земной шар, покрываемый перекрещивающимися серпом и молотом, в обрамлении колосьев над восходящим солнцем. В свою очередь колосья хлеба обвиты красными лентами – флагами союзных республик, на каждом из которых на языке представленной республики фигурирует надпись: «Пролетарии всех стран, соединитесь!» При этом 15 республик представлены семью лентами равного размера справа и слева от изображения серпа и молота и более крупной лентой под ним. Тем самым СССР представляет собой добровольный союз рабочих и крестьян, добровольное объединение равноправных союзных республик (народов) в едином союзном государстве на основе государствообразующего (и большего по размеру ленты на гербе!) народа – русского. В данном случае, наоборот, наблюдается предельная корректность ОД между

всеми народами СССР и его верховной властью, однако со временем пролетариат и крестьянство утратили значение в качестве самостоятельных классов, социалистический строй потерял свою действенность, а разные республики (народы) отказались и дальше оставаться в составе Советского Союза, что и завершилось в 1991 г. распадом государства и разрывом прежнего ОД.

5.3. *Официальные манифесты (пакты)*

Еще одним внешним проявлением ОД выступают официальные документы, не имеющие юридической силы, но которые выступают в роли манифестов, в которых стороны ОД провозглашают свои позиции.

Примером таких документов могут служить пакты Монклоа, подписанные в 1977 г. между правительством Испании и основными политическими партиями страны с целью достижения общенационального консенсуса в период перехода государства к парламентской демократии и позволившие мирным путем решить достаточно сложный социально-экономический и политический конфликт в стране [38]. Необходимость изменений назрела в обществе после смерти испанского диктатора Франсиско Франко (Francisco Franco), который почти четыре десятка лет (1939–1975) находился у власти Королевства. Трансформации, произошедшие за эти годы как в мире, так и внутри страны, способствовали тому, что большинство населения выступило за демократическое реформирование Испании. Однако внутреннее противостояние политических сил грозило перерасти в острый социальный и экономический конфликт, во избежание которого и был достигнут консенсус, гарантировавший мирный переход от авторитаризма

⁴ «Пришло время для независимости». В Шотландии анонсировали новый референдум. URL: <https://news.rambler.ru/world/48906874-prishlo-vremya-dlya-nezavisimosti-v-shotlandii-anonsirovali-novyj-referendum/>.

к демократии и нашедший свое отражение в пактах Монклоа⁵.

Другим примером подобных манифестов является Договор об общественном согласии, подписанный в апреле 1994 г., под которым поставили подписи 245 общественных деятелей России, включая Президента РФ Бориса Ельцина, премьер-министра Виктора Черномырдина, глав субъектов РФ, лидеров политических партий, руководителей общественных организаций и др. Целями договора были стабилизация положения в обществе, преодоление кризиса и обеспечение диалога между политическими силами общества [72].

Договор носил преимущественно целеполагающий характер и определял основные направления достижения согласия: достижение политической стабильности путем соблюдения Конституции и уважения прав и свобод человека; решение социально-экономических проблем посредством создания условий для функционирования конкретных отраслей экономики, разработки программы занятости населения, снижения и дальнейшего контроля над уровнем инфляции; упрочнение федеративного устройства России и развитие многонационального общества; развитие культуры, образования и нравственности⁶.

Несмотря на то, что Россия в тот момент остро нуждалась в общественном согласии, договор не поддержала значительная часть партий и движений, относивших себя к оппозиции (КПРФ, Аграрная партия, Фронт национального движения и др.). Кроме того,

⁵ Мирный переход к демократии (1975–1982). URL: https://family-history.ru/material/history/spainhistory/spainhistory_21.html.

⁶ Договор об общественном согласии. URL: <https://madrace.ru/sovremennaya-politicheskaya-istoriya-rossii/kurs-obschestvo-i-vlast-v-1994-1999-gg/dogovor-ob-obschestvennom-soglasii>.

начало военных действий в Чеченской Республике, а также беспредельная власть олигархов и преступных группировок 90-х фактически обесценили данный договор сразу же после его подписания, и в обществе сформировался общественный заказ на социальный порядок.

5.4. Мифологические формы в символических артефактах

Иногда некоторые идеи ОД фиксировались в форме скульптур и на изображениях монет. Например, наиболее впечатляющей манифестацией идеи справедливости является греческая богиня Фемида, которая в древнеримской традиции перевоплотилась в более зрелый образ Леди Юстиции. С течением времени этот образ соединил в себе три атрибута: фигура женщины с весами в одной руке, мечом в другой и повязкой на глазах. Фигура женщины – персонификация богини Справедливости (египетской Исиды, греческой Фемиды, римской Юстиции и т. п.), весы – соизмерение добра и зла, меч – наказание за злые дела, повязка на глазах – беспристрастность в вынесении вердикта.

Это крайне мощный символ, который в разных формах, странах и исторических периодах проявил себя в полной мере. Он присутствовал и в Книге мертвых Египта (на папирусе, стенах гробниц и саркофагов), и на щитах римских воинов (с правления Гая Октавиана Августа), и на древнеримских монетах (с правления Тита Флавия Веспасиана), в скульптурных композициях разных стран и народов, на банкнотах и марках, медалях, гербах и монетах.

Как было отмечено ранее, идея справедливости сама по себе иллюстрирует идею ОД. Однако современная философская трактовка образа Леди Справедливости позволяет еще раз

переосмыслить феномен ОД. «Тенью добра является всегда сопутствующее ему зло – так реальная тень сопровождает реальное тело», нельзя «...судить человека за то, что на солнечном свете тот отбрасывает от себя черную тень» [66, с. 668]. В связи с этим судить человека надо только по весу его поступков. «Так оцените вес человека и вес сопровождающей его тени – что перетянет? Все кладите на весы – сотворенное нами благо и неизбежно возникающий при этом ущерб. <...> И главный вопрос любого исторического процесса, взвешенного на весах справедливости, – что весомей для всеобщего блага» [66, с. 669]. «Единственно важно – оценить вес созданного нами добра и вес произвольно либо даже сознательно причиненного зла и сравнить их» [66, с. 670].

Исходя из такой трактовки символа Леди Юстиции, можно сформулировать два условия эффективного ОД. Первое – уровень обязательств верховной власти и общества должен быть равным. Формально это можно записать так: $P=S$, где P и S – уровень (вес) обязательств (требований) власти и общества соответственно. Второе условие – багаж благих дел власти должен превышать багаж ее неблагих (злых) дел. Формально это выглядит так: $G>E$, где G и E – масштаб, потенциал или вес благих и злых дел верховной власти за время своего правления соответственно.

В терминах концепции «узкого коридора» первое условие задает политическую дихотомию и политическое равновесие: если $P=S$, то в стране имеет место *Обузданный Левиафан*; если $P<S$, то требования лояльности к народу превышают взятые на себя требования верховной власти, и в стране действует *Деспотический Левиафан*; если же $P>S$, то не соблюдается тот уровень верности власти, который необходим ей

для осуществления своих полномочий и обязанностей, в связи с чем устанавливается анархия с характерным для нее *Отсутствующим Левиафаном*. Однако даже наличие Обузданного Левиафана само по себе еще мало что говорит о характере правления, для характеристики которого и необходимо второе условие эффективности ОД.

Заметим, что первое условие ОД автоматически объясняет рост требований к лояльности населения в экстраординарных условиях, когда на власть накладываются повышенные требования. Второе условие ОД позволяет приблизиться к пониманию неэффективных режимов правления, когда, например, неограниченная власть (диктатура) дает благ больше, чем ее злоупотребления. Например, эпоха правления И. В. Сталина до сих пор не получила однозначной оценки с точки зрения второго условия ОД: часть населения политику «сильной руки» правителя оценивает в целом как позитивную и благотворную, а часть – как негативную.

Следует особо подчеркнуть, что рассмотренный нами феномен изменчивости ОД, его содержания и даже лежащего в его основе понятия справедливости может быть удовлетворительно объяснен концепцией Дугласа Норта (Douglass North) о двойственности институтов [73, 74]. Следуя логике Норта, можно констатировать, что ОД является неформальным институтом и как любой институт он обладает свойством двойственности – стабилизации социальных отношений и стимулирования их изменений. Стабилизирующее свойство ОД отвечает за само существование государства, его сохранение и тем самым за сохранение социального порядка, тогда как свойство динамичности требует постоянного пересмотра ОД для того, чтобы государство

не законсервировалось и могло эволюционировать в нужном для истории направлении.

Именно фактом двойственности ОД как специфического института объясняются изменения как самого понятия справедливости, лежащего в основе ОД, так и потребность в периодическом пересмотре его содержания.

6. Заключение

Несмотря на то, что учение об общественном договоре уже насчитывает примерно 2,5 тысячи лет, оно пока так и не получило своего окончательного теоретического оформления. Вместе с тем востребованность такового особенно ясно видна сейчас, когда начались масштабные геополитические трансформации и намечается рокировка роли разных стран. Это касается прежде всего России, США, Китая и отчасти стран Европы.

Представленный критический обзор концепций общественного договора позволяет проверить две гипотезы статьи.

Первая гипотеза подтвердилась, следовательно, понимание справедливости, закладываемое в понятие общественного договора, со временем действительно принципиально меняется.

Вторая гипотеза также получила подтверждение: потребность в общественном договоре и возможность его заключения не являются социальными константами, а существенным образом зависят от текущих социально-экономических событий и условий взаимодействия власти и общества.

В связи с этим подытожим представленный выше обзор с точки зрения выделения сущностных аспектов в учении об общественном договоре.

1. Общественный договор – это форма существования государства и интеграции верховной власти с обществом. Отсутствие внятного общественного

договора ведет к риску разрушения и самого государства.

2. В основе общественного договора лежит идея справедливости, однако понимание справедливости существенно меняется с течением времени.

3. Общественный договор является неформальным институтом, однако различные формы его манифестации позволяют сделать его более зримым и явным. Как любой институт, общественный договор обладает свойством двойственности – стабилизации социальных отношений и стимулирования их изменений. Именно фактом двойственности внятного общественного договора объясняются изменения как самого понятия справедливости, так и потребность в периодическом пересмотре ОД.

4. Двойственность института внятного общественного договора предопределяет его структуру, в частности наличие постоянной (обязательств населения) и переменной (обязательств власти) частей. Постоянная часть в форме лояльности населения позволяет сохранять в течение длительного исторического времени само государство как таковое, а переменная часть в форме меняющихся требований к власти обеспечивает эволюцию социума. Именно этим обстоятельством объясняются эволюционные сдвиги в переменной части внятного общественного договора – от требования обеспечения в стране политического порядка до экономических требований по обеспечению роста материально благосостояния населения.

5. Эффективный общественный договор, при котором выполнение своих обязательств обеими сторонами контракта ведет к усилению страны и улучшению положения масс, предполагает два условия: уровень обязательств верховной власти и общества должен быть примерно равным; багаж благих дел власти

должен превышать багаж ее неблагих дел. Из первого условия автоматически вытекает свойство общественного договора, когда в экстраординарных условиях требование лояльности со стороны власти в адрес населения резко возрастает. Кроме того, данное условие соответствует таким трем социальным режимам, которые раскрыты в концепции «узкого коридора»: если данное требование выполняется, то имеет место Обузданный Левиафан (политическое равновесие); если требования к народу выше, чем к власти, то в стране действует Деспотический Левиафан (деспотия); в ином случае приходится говорить об Отсутствующем Левиафане (анархия). Второе условие общественного договора позволяет понять длительное существование неэффективных режимов правления типа диктатуры, когда деспотия в лице авторитарного правителя дает пользы больше, чем вреда.

6. Процесс формирования и поддержания общественного договора хорошо раскрывается двумя концепциями – принципом «шкуры на кону» и моделью «Голос – Выход – Верность». Так, последняя позволяет понять роль общественных дискуссий и обсуждений, равно как и народных референдумов, для роста информированности власти о запросах населения; принцип «шкуры на кону» объясняет рост эффективности общественного договора в условиях повышенной опасности.

Рассмотренные элементы теории общественного договора позволяют утверждать, что начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция создала, во-первых, острую потребность в пересмотре прежнего социального контракта между верховной властью России и ее населением, а во-вторых, уникальные условия для его эффективности; содержание нового договора выходит за рамки данной статьи.

Список использованных источников

1. Волконский В. А. Смысловые установки и роль государства в эпоху многополярного мира. М.: Книжный мир, 2021. 384 с.
2. Нерсесянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 261 с.
3. Виц Б. Б. Демокрит. М.: Мысль, 1979. 212 с.
4. История философии в кратком изложении / пер. с чешского И. И. Богута. М.: Мысль, 1997. 590 с. URL: http://mts.edu.27.ru/biblio/Phil/colection/pdf/1997_hist_phil_kratk_izl.pdf.
5. Белоусова О. И. Историко-культурный контекст эволюции идеи общественного договора (от античности до Нового времени) // Вестник университета. 2016. № 6. С. 231–236.
6. Нерсесянц В. С. Сократ. М.: Наука, 1977. 152 с.
7. Ксенофонт. Сократические сочинения / пер. С. И. Соболевского. М.-Л.: АCADEMIA, 1935. 419 с. URL: https://vk.com/doc35927296_418701520.
8. Михайлов В. Д. Формирование представлений об общественном согласии: Сократ, Платон, Аристотель // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2016. № 01. С. 43–51.
9. Платон. Сочинения в четырех томах Т. 3. Ч. 1 / под ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; пер. с древнегреческого. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. 752 с. URL: https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/new/Platon3_1.pdf.
10. Голубев С. В. Учение Платона об идеальном государстве // Философия и общество. 2005. № 1 (38). С. 158–175.
11. Хохлова О. М. Становление понятий «согласие» и «несогласие» в истории философской мысли // Гуманитарный вестник. 2022. № 2 (94). Порядковый номер 4. DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-769.

12. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. Т. 4 / под ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
13. *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей / пер. с латинского Ф. Петровского. М.: Художественная литература, 1983. 383 с. URL: https://vk.com/doc-125773980_437733057.
14. *Бокова А. О., Палеха Р. Р.* Теория общественного договора: история и современность // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2021. № 1 (36). С. 160–163.
15. *Бессуднова М. Б.* Новгородская контора Ганзы в контексте торговой стратегии Ревеля первой трети XVI века // Петербургские славянские и балканские исследования. 2019. № 2 (26). С. 167–180. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.210.
16. *Fink A.* Under what conditions may social contracts arise? Evidence from the Hanseatic League // Constitutional Political Economy. 2011. Vol. 22, Issue 2. Pp. 173–190. DOI:10.1007/s10602-010-9099-z.
17. *Leeson P. T.* The calculus of piratical choice: The myth of the myth of the social contract // Public Choice. 2009. Vol. 139, Issue 3–4. Pp. 443–459. DOI: 10.1007/s11127-009-9403-5.
18. *Гусарова М. А.* К вопросу о роли Гуго Гроция в становлении юснатуралистического типа правопонимания в эпоху Нового времени // Общество: Политика, Экономика, Право. 2021. № 1 (90). С. 71–75. DOI: 10.24158/пер.2021.1.13.
19. *Гроций Г.* *Opavevoynimira* (О праве войны и мира) // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf.
20. *Апресян Г. Г.* *Jus Talionis* в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 139–165.
21. *Грудцына Л. Ю., Лагуткин А. В.* Идея «общественного договора» как основа диалога государства с гражданским обществом // Государство и право. 2016. № 2. С. 94–98.
22. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf.
23. *Вражнова А. С., Царёв Д. А.* Теория общественного договора в «Левиафане» Томаса Гоббса // Время науки. 2016. № 3. С. 19–25.
24. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Научная электронная библиотека «Гражданское общество в России». Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf.
25. *Меняева М. П.* Идея культуры согласия в контексте теорий «общественного договора» Г. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 115–120.
26. *Макаренко В. П.* Общественный договор и проблема молчаливого согласия // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 141–151.
27. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 123 с.
28. *Горохов П. А., Вялых В. В.* Современные модификации идеи общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19–23.
29. *Кротов А. А.* Наполеон и теория общественного договора Руссо // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 177–186. DOI: 10.31857/S004287440005352-2.
30. *Bonache J.* Towards a re-examination of work arrangements: An analysis from Rawls' Theory of Justice // Human Resource Management Review. 2004. Vol. 14, Issue 4. Pp. 395–408. DOI: 10.1016/j.hrmmr.2004.12.001.
31. *Surovtsev V., Syrov V.* Outlooks of J. Rawls's Theory of Justice // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 166. Pp. 176–181. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.506.
32. *Reagan E. M., Hambacher E.* Teacher preparation for social justice: A synthesis of the literature, 1999–2019 // Teaching and Teaching Education. 2021. Vol. 108. Article Number 103520. DOI: 10.1016/j.tate.2021.103520.
33. *Fraser N., Honneth A.* Redistribution or Recognition: A Political Philosophical Debate. London: Verso, 2003. 286 p.

34. *North C.* More than words? Delving into the substantive meaning(s) of «social justice» in education // *Review of Educational Research*. 2006. Vol. 76, No. 4. Pp. 507–535. DOI: 10.3102/00346543076004507.
35. *North C.* What is all this talk about «social justice?» Mapping the terrain of education's latest catchphrase // *Teachers College Record*. 2008. Vol. 110, No. 6. Pp. 1182–1206. DOI: 10.1177/016146810811000607.
36. *Young I. M.* Justice and the politics of difference. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990. 286 p.
37. *Honneth A.* Redistribution as recognition: A response to nancyfraser // N. Fraser, A. Honneth. *Redistribution or Recognition: A Political Philosophical Debate*. London: Verso, 2003. Pp. 110–197.
38. *Назарова Н. А.* Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века // *Вопросы российского и международного права*. 2017. № 7 (2А). С. 24–32.
39. *Аузан А. А.* Общественный договор и гражданское общество // *Мир России*. Социология. Этнология. 2005. Т. 14, № 3. С. 3–18.
40. *Лукьянова Е. Г.* К вопросу о политической и правовой идеологии в современной России // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2007. № 4. С. 23–28.
41. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
42. *Lubenow J. A.* Public Sphere and Deliberative Democracy in Jürgen Habermas: Theoretical Model and Critical Discourses // *American Journal of Sociological Research*. 2012. Vol. 2, No. 4. Pp. 58–71. DOI: 10.5923/j.sociology.20120204.02.
43. *Mattila H.* Habermas revisited: Resurrecting the contested roots of communicative planning theory // *Progress in Planning*. 2020. Vol. 141. Article Number 100431. DOI: 10.1016/j.progress.2019.04.001.
44. *Campbell H., Marshall R.* Towards justice in planning: A reappraisal // *European Planning Studies*. 2006. Vol. 14, No. 2. Pp. 239–252. DOI: 10.1080/09654310500418192.
45. *Fainstein S. S.* New directions in planning theory // *Urban Affairs Review*. 2000. Vol. 35, No. 4. Pp. 451–478. DOI: 10.1177/107808740003500401.
46. *Fischler R.* Communicative planning theory: A Foucauldian assessment // *Journal of Planning Education and Research*. 2000. Vol. 19, No. 4. Pp. 358–368. DOI: 10.1177/0739456X0001900405.
47. *Habermas J.* Modern and postmodern architecture // *Critical Theory and Public Life* / edited by J. Forester. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. Pp. 317–329.
48. *Purcell M.* Resisting neoliberalisation. Communicative planning or counter-hegemonic movements? // *Planning Theory*. 2009. Vol. 8, No. 2. Pp. 140–165. DOI: 10.1177/1473095209102232.
49. *Hillier J.* Going behind the back? Complex networks and informal action in local planning processes // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2000. Vol. 32, No. 1. Pp. 33–54. DOI: 10.1068/a321.
50. *Hillier J.* Agonizing over consensus: Why Habermasian ideals cannot be 'real'? // *Planning Theory*. 2003. Vol. 2, No. 1. Pp. 37–59. DOI: 10.1177/1473095203002001005.
51. *Allmendinger P., Tewdwr-Jones M.* The communicative turn in urban planning: unravelling paradigmatic, imperialistic and moralistic dimensions // *Space and Polity*. 2002. Vol. 6, Issue 1. Pp. 5–24. DOI: 10.1080/13562570220137871.
52. *Bond S.* Negotiating a 'democratic ethos': moving beyond the agonistic – Communicative divide // *Planning Theory*. 2011. Vol. 10, No. 2. Pp. 161–186. DOI: 10.1177/1473095210383081.
53. *Mouffe C.* *Agonistics. Thinking the World Politically*. London-New York: VERSO, 2013. 149 p. Available at: https://monoskop.org/images/3/31/Mouffe_Chantal_Agonistics_Thinking_the_World_Politically_2013.pdf.

54. *Hinnebush R.* The rise and decline of the populist social contract in the Arab world // *World Development*. 2020. Vol. 129. Article Number 104661. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104661.
55. *Loewe M., Zintl T., Houdret A.* The social contract as a tool of analysis: Introduction to the special Issue on «Framing the evolution of new social contracts in Middle Eastern and North African countries» // *World Development*. 2021. Vol. 145. Article Number 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104982.
56. *Gause F.* Why Middle East Studies Missed the Arab Spring: The Myth of Authoritarian Stability // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, No. 4. Pp. 81–90. Available at: <http://ezpro.fa.ru:2553/stable/23039608>.
57. *Stepan A.* Tunisia's Transition and the Twin Tolerations // *Journal of Democracy*. 2012. Vol. 23, No. 2. Pp. 89–103. DOI: 10.1353/jod.2012.0034.
58. *Furness M., Trautner B.* Reconstituting social contracts in conflict-affected MENA countries: Whither Iraq and Libya? // *World Development*. 2020. Vol. 135. Article Number 105085. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105085.
59. *Revkin M. R., Ahram A. I.* Perspectives on the rebel social contract: Exit, voice, and loyalty in the Islamic State in Iraq and Syria // *World Development*. 2020. Vol. 132. Article Number 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104981.
60. *Ibrahim S.* The dynamics of the Egyptian social contract: How the political changes affected the poor // *World Development*. 2021. Vol. 138. Article Number 105254. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105254.
61. *Innerarity D.* Política para Perplexos. Lisboa: Porto Editora, 2019. 214 p.
62. *Sousa J. C.* Towards a new cosmopolitan social contract: social trends and political challenges // *Metascience*. 2020. Vol. 29, Issue 3. Pp. 493–496. DOI: 10.1007/s11016-020-00544-w.
63. *Congleton R. D.* The institutions of international treaty organizations as evidence for social contract theory // *European Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 63. Article Number 101891. DOI: 10.1016/j.ejpolco.2020.101891.
64. *Аджемоглу Д., Робинсон Дж.* Узкий коридор. М.: АСТ, 2021. 704 с.
65. *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 3. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 676 с. URL: https://imwerden.de/pdf/radishchev_polnoe_sobranie_sochineny_tom_3_1952__ocr.pdf.
66. *Снегов С.* Диктатор. М.: Эксмо, 2010. 736 с.
67. *Хиришман А. О.* Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009. 156 с.
68. *Мюллер Д.* Общественный выбор III. М.: ГУВШЭ, 2007. 994 с.
69. *Балацкий Е. В.* Дискурсивная экономика и ее возможности // *Общественные науки и современность*. 2014. № 1. С. 163–176.
70. *Талей Н. Н.* Рискающая собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
71. *Балацкий Е. В.* Учение о неэргодичности социального мира // *Мир России. Социология. Этнология*. 2020. Т. 29, № 1. С. 174–193. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-174-193.
72. *Зайцев А. В.* Диалог государства и гражданского общества в современной России: фаза генезиса (1985–2000 гг.) // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 6. С. 118–130. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.9.21989.
73. *Балацкий Е. В.* Когнитивно-институциональный синтез Д. Норта // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 154–166.
74. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Балацкий Евгений Всеволодович

Доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия (125993, г. Москва, Ленинградский просп., 49), главный научный сотрудник Лаборатории математической экономики Центрального экономико-математического института РАН, г. Москва, Россия (117418, г. Москва, Нахимовский пр., 47); ORCID 0000-0002-3371-2229; e-mail: evbalatsky@inbox.ru.

Екимова Наталья Александровна

Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125993, г. Москва, Ленинградский просп., 49); ORCID 0000-0001-6873-7146; e-mail: n.ekimova@bk.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Правительства РФ Финансовому университету на 2022 г. по теме «Социально-экономическое развитие в эпоху фундаментальной трансформации систем».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации // *Journal of Applied Economic Research*. 2022. Т. 21, № 3. С. 604–636. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.3.021.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Дата поступления 15 июня 2022 г.; дата поступления после рецензирования 19 июля 2022 г.; дата принятия к печати 12 августа 2022 г.

Social Contract Phenomenon: Evolution of Concepts and Modern Interpretations

E. V. Balatsky^{1,2} , N. A. Ekimova¹

¹The Financial University under the Government of the Russian Federation

²The Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),
Moscow, Russia

 evbalatsky@inbox.ru

Abstract. The aim of the article is to systematically consider the conceptual foundations of the process of formation and maintenance of the social contract, its properties and meaning. The paper uses historical and structural approaches to the study of the phenomenon of social contract in conjunction with their practical application to contemporary events. The result of the study is the authors' substantiation and disclosure of six provisions of the social contract theory. In particular, it provides a systematic explanation of why the understanding of justice underlying the social contract changes significantly over time. The structure of the social contract, which assumes the presence of a constant (obligations of the population) and a variable (obligations of the authorities) part, is substantiated. It is shown that the constant part in the form of the population's loyalty allows the state itself to be preserved over a long historical period, and the variable part in the form of changing requirements to the authorities ensures the evolution of society. Two conditions of the effectiveness of the social contract, when the fulfillment of obligations by both sides of the contract leads to the strengthening of the country and improvement of the situation of the masses, are formulated and formalized: the level of obligations of the supreme power and society should be approximately equal; the luggage of good deeds of power should exceed the luggage of its not-so-good deeds. It is shown that the first condition generates the property of the social contract, when under extraordinary conditions the demand for loyalty from the authorities to the population sharply increases, and the second condition allows us to understand the long-term existence of ineffective regimes of rule such as dictatorship, when despotism in the face of an authoritarian ruler does more good than harm. The main conclusion of the work consists in the substantiation of the fact that at present in the Russian Federation there is a unique situation for the creation of an effective new the social contract, the need for which has been felt for a long time. The presented theoretical provisions can be used in the system of public administration to form the content of the new social contract.

Key words: exit-voice-loyalty concept; narrow corridor concept; social contract; skin in the game; social contract.

JEL B15, B52

References

1. Volkonsky, V. A. (2021). *Smyslovye ustanovki i rol gosudarstva v epokhu mnogopoliarnogo mira [Semantic attitudes and the role of the state in the era of a multi-polar world]*. Moscow, Knizhnyi Mir. (In Russ.).
2. Nersesiants, V. S. (1979). *Politicheskie ucheniia Drevnei Gretsii [Political Teachings in Ancient Greece]*. Moscow, Nauka. (In Russ.).
3. Vits, B. B. (1979). *Democritus*. Moscow, Mysl. (In Russ.).

4. *Brief History of Philosophy* (1997). Moscow, Mysl. (In Russ.).
5. Belousova, O. I. (2016). Istoriko-kulturnyi kontekst evoliutsii idei obshchestvennogo dogovora (ot antichnosti do Novogo vremeni) (Historical and cultural context of evolution of social contract idea (from antiquity to new (modern) time)). *Vestnik Universiteta [University Bulletin]*, No. 6, 231–236. (In Russ.).
6. Nersesiants, V. S. (1977). *Sokrat [Socrates]*. Moscow, Nauka. (In Russ.).
7. Xenophon (1935). *Socratic Works*. Moscow-Leningrad. ACADEMIA. Available at: https://vk.com/doc35927296_418701520. (In Russ.).
8. Mikhailov, V. D. (2016). Formirovanie predstavlenii ob obshchestvennom soglasii: Sokrat, Platon, Aristotel (Generating Views on Social Accord: Socrates, Plato, Aristotle). *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya (Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy)*, No. 01, 43–51. (In Russ.).
9. Plato (2007). *Works in Four Volumes*. St Petersburg State University Publishing House. Available at: https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/PLATO/new/Platon3_1.pdf. (In Russ.).
10. Golubev, S. V. (2005). Uchenie Platona ob idealnom gosudarstve (Plato's ideal state). *Filosofiya i obshchestvo (Philosophy and society)*, No. 1 (38), 158–175. (In Russ.).
11. Khokhlova, O. M. (2022). Stanovlenie poniatii «soglasie» i «nesoglasie» v istorii filosofskoi mysli (The formation of the concepts of «consent» and «conflict» in the history of philosophical thought). *Gumanitarnyi vestnik (Humanities Bulletin)*, No. 2 (94). DOI: 10.18698/2306-8477-2022-2-769. (In Russ.).
12. Aristotle (1983). *Works*. Vol. 4. Moscow, Mysl. (In Russ.).
13. Lucretius (1983). *On the Nature of Things*. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura. Available at: https://vk.com/doc-125773980_437733057. (In Russ.).
14. Bokova, A. O., Palekha, R. R. (2021). Teoriia obshchestvennogo dogovora: istoriia i sovremennost [Theory of social contract: History and Today]. *Vestnik Voronezhskogo instituta vysokikh tekhnologii [Bulletin of Voronezh Institute of High Technologies]*, No. 1 (36), 160–163. (In Russ.).
15. Bessudnova, M. B. (2019). Novgorodskaiia kontora Ganzy v kontekste torgovoi strategii Revelia pervoi treti XVI veka (The Novgorod Kontor of Hanse in the context of the Revel's trading strategy of the first third of the 16th century). *Peterburgskie slavianskie i balkanskije issledovaniia (Studia Slavica et Balcanica Petropolitana)*, No. 2 (26), 167–180. DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.210. (In Russ.).
16. Fink, A. (2011). Under what conditions may social contracts arise? Evidence from the Hanseatic League. *Constitutional Political Economy*, Vol. 22, Issue 2, 173–190. DOI: 10.1007/s10602-010-9099-z.
17. Leeson, P. T. (2009). The calculus of piratical choice: The myth of the myth of the social contract. *Public Choice*, Vol. 139, Issue 3–4, 443–459. DOI: 10.1007/s11127-009-9403-5.
18. Gusarova, M. A. (2021). K voprosu o roli Gugo Grotsiia v stanovlenii iusnaturalisticheskogo tipa pravoponimaniia v epokhu Novogo vremeni (The Issue of Hugh Grotius' role in the formation of the jusnaturalist type of legal thinking in the new age). *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo [Society. Politics. Economics. Law]*, No. 1 (90), 71–75. DOI: 10.24158/pep.2021.1.13. (In Russ.).
19. Grotius, H. (1625). *On the Law of War and Peace*. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf. (In Russ.).
20. Apresian, G. G. (2002). Jus Talionis v traktate Gugo Grotsiia «O prave voiny i mira» ('Jus Talionis' in Hugo Grotius' Treaty «On the Law of War and Peace»). *Eticheskaiia mysl (Ethical Thought)*, No. 3, 139–165. (In Russ.).
21. Grudtsyna, L. Iu., Lagutkin, A. V. (2016). Ideia «obshchestvennogo dogovora» kak osnova dialoga gosudarstva s grazhdanskim obshchestvom (The idea of «social contract» as the basis

of dialogue of the state with citizens-sian society). *Gosudarstvo i pravo (State and Law)*, No. 2, 94–98. (In Russ.).

22. Hobbes, T. (1651). *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil*. Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf. (In Russ.).

23. Vrazhnova, A. S., Tsarev, D. A. (2016). Teoriia obshchestvennogo dogovora v «Leviafane» Tomasa Gobbsa [Social contract theory in Thomas Hobbes' Leviathan]. *Vremia nauki (Time of Science)*, No. 3, 19–25. (In Russ.).

24. Locke, J. (1689). *Two Treatises of Government*. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf. (In Russ.).

25. Menyayeva, M. P. (2015). Ideia kultury soglasiia v kontekste teorii «obshchestvennogo dogovora» G. Gobbsa, Dzh. Lokka i Zh.-Zh. Russo (The idea of the culture of concord in the context of the theories of «social treaty» by Th. Hobbes, J. Locke, J. J. Rousseau). *Sotsium i vlast (Society and Power)*, No. 1 (51), 115–120. (In Russ.).

26. Makarenko, V. P. (2012). Obshchestvennyi dogovor i problema molchalivogo soglasiia (Social contract and the problem of tacit consent). *Polis. Politicheskie issledovaniia (Polis. Political Studies)*, No. 2, 141–151. (In Russ.).

27. Rousseau, J.-J. (1938). *The Social Contract*. The State Socio-Economic Publishing House. (In Russ.).

28. Gorokhov, P. A., Vyalykh, V. V. (2013). Sovremennye modifikatsii idei obshchestvennogo dogovora (Contemporary revisions of the social contract idea). *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia (Theory and Practice of Social Development)*, No. 11, 19–23. (In Russ.).

29. Krotov, A. A. (2019). Napoleon i teoriia obshchestvennogo dogovora Russo (Napoleon and Rousseau's Theory of Social Contract). *Voprosy Filosofii*, No. 6, 177–186. DOI: 10.31857/S004287440005352–2. (In Russ.).

30. Bonache, J. (2004). Towards a re-examination of work arrangements: An analysis from Rawls' Theory of Justice. *Human Resource Management Review*, Vol. 14, Issue 4, 395–408. DOI: 10.1016/j.hrmmr.2004.12.001.

31. Surovtsev, V., Syrov, V. (2015). Outlooks of J. Rawls's Theory of Justice. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 166, 176–181. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.506.

32. Reagan, E. M., Hambacher, E. (2021). Teacher preparation for social justice: A synthesis of the literature, 1999–2019. *Teaching and Teaching Education*, Vol. 108, Article Number 103520. DOI: 10.1016/j.tate.2021.103520.

33. Fraser, N., Honneth, A. (2003). *Redistribution or Recognition: A Political Philosophical Debate*. London, Verso, 286 p.

34. North, C. (2006). More than words? Delving into the substantive meaning(s) of «social justice» in education. *Review of Educational Research*, Vol. 76, No. 4, 507–535. DOI: 10.3102/00346543076004507.

35. North, C. (2008). What is all this talk about «social justice?» Mapping the terrain of education's latest catchphrase. *Teachers College Record*, Vol. 110, No. 6, 1182–1206. DOI: 10.1177/016146810811000607.

36. Young, I. M. (1990). *Justice and the politics of difference*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 286 p.

37. Honneth, A. (2003). Redistribution as recognition: A response to nancyfraser. In: Fraser N., Honneth A. *Redistribution or Recognition: A Political Philosophical Debate*. London, Verso, 110–197.

38. Nazarova, N. A. (2017). Sovremennye formy obshchestvennogo dogovora v obshchestvenno-gosudarstvennykh otnosheniakh XXI veka (Modern forms of social contract in public and state relations of the XXI century). *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava (Matters of Russian and International Law)*, No. 7 (2A), 24–32. (In Russ.).

39. Auzan, A. A. (2005). Obshchestvennyi dogovor i grazhdanskoe obshchestvo [Social contract and civil society]. *Mir Rossii. Sotsiologiia. Etnologiia* [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology], Vol. 14, No. 3, 3–18. (In Russ.).
40. Lukyanova, E. G. (2007). K voprosu o politicheskoi i pravovoi ideologii v sovremennoi Rossii [Political and law ideology in contemporary Russia]. *Pravovaia politika i pravovaia zhizn* (State and Law), No. 4, 23–28. (In Russ.).
41. Habermas, J. (1996). *Die Einbeziehung des Anderen: Studien zur Politischen Theorie*. Suhrkamp Verlag.
42. Lubenow, J. A. (2012). Public Sphere and Deliberative Democracy in Jürgen Habermas: Theoretical Model and Critical Discourses. *American Journal of Sociological Research*, Vol. 2, No. 4, 58–71. DOI: 10.5923/j.sociology.20120204.02.
43. Mattila, H. (2020). Habermas revisited: Resurrecting the contested roots of communicative planning theory. *Progress in Planning*, Vol. 141, Article Number 100431. DOI: 10.1016/j.progress.2019.04.001.
44. Campbell, H., Marshall, R. (2006). Towards justice in planning: A reappraisal. *European Planning Studies*, Vol. 14, No. 2, 239–252. DOI: 10.1080/09654310500418192.
45. Fainstein, S. S. (2000). New directions in planning theory. *Urban Affairs Review*, Vol. 35, No. 4, 451–478. DOI: 10.1177/107808740003500401.
46. Fischler, R. (2000). Communicative planning theory: A Foucauldian assessment. *Journal of Planning Education and Research*, Vol. 19, No. 4, 358–368. DOI: 10.1177/0739456X0001900405.
47. Habermas, J. (1985). Modern and postmodern architecture. In: *Critical Theory and Public Life*. Edited by J. Forester. Cambridge, MA, MIT Press, 317–329.
48. Purcell, M. (2009). Resisting neoliberalisation. Communicative planning or counter-hegemonic movements? *Planning Theory*, Vol. 8, No. 2, 140–165. DOI: 10.1177/1473095209102232.
49. Hillier, J. (2000). Going behind the back? Complex networks and informal action in local planning processes. *Environment and Planning A: Economy and Space*, Vol. 32, No. 1, 33–54. DOI: 10.1068/a321.
50. Hillier, J. (2003). Agonizing over consensus: Why Habermasian ideals cannot be ‘real’? *Planning Theory*, Vol. 2, No. 1, 37–59. DOI: 10.1177/1473095203002001005.
51. Allmendinger, P., Tewdwr-Jones, M. (2002). The communicative turn in urban planning: unravelling paradigmatic, imperialistic and moralistic dimensions. *Space and Polity*, Vol. 6, Issue 1, 5–24. DOI: 10.1080/13562570220137871.
52. Bond, S. (2011). Negotiating a ‘democratic ethos’: moving beyond the agonistic – Communicative divide. *Planning Theory*, Vol. 10, No. 2, 161–186. DOI: 10.1177/1473095210383081.
53. Mouffe, C. (2013). *Agonistics. Thinking the World Politically*. London-New York: VERSO, 149 p. Available at: https://monoskop.org/images/3/31/Mouffe_Chantal_Agonistics_Thinking_the_World_Politically_2013.pdf.
54. Hinnebush, R. (2020). The rise and decline of the populist social contract in the Arab world. *World Development*, Vol. 129, Article Number 104661. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.104661.
55. Loewe, M., Zintl, T., Houdret, A. (2021). The social contract as a tool of analysis: Introduction to the special Issue on «Framing the evolution of new social contracts in Middle Eastern and North African countries». *World Development*, Vol. 145, Article Number 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104982.
56. Gause, F. (2011). Why Middle East Studies Missed the Arab Spring: The Myth of Authoritarian Stability. *Foreign Affairs*, Vol. 90, No. 4, 81–90. Available at: <http://ezpro.fa.ru:2553/stable/23039608>.
57. Stepan, A. (2012). Tunisia’s Transition and the Twin Tolerations. *Journal of Democracy*, Vol. 23, No. 2, 89–103. DOI: 10.1353/jod.2012.0034.
58. Furness, M., Trautner, B. (2020). Reconstituting social contracts in conflict-affected MENA countries: Whither Iraq and Libya? *World Development*, Vol. 135, Article Number 105085. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105085.

59. Revkin, M. R., Ahram, A. I. (2020). Perspectives on the rebel social contract: Exit, voice, and loyalty in the Islamic State in Iraq and Syria. *World Development*, Vol. 132, Article Number 104982. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104981.
60. Ibrahim, S. (2021). The dynamics of the Egyptian social contract: How the political changes affected the poor. *World Development*, Vol. 138, Article Number 105254. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105254.
61. Innerarity, D. (2019). *Política para Perplexos*. Lisboa, Porto Editora, 214 p.
62. Sousa, J. C. (2020). Towards a new cosmopolitan social contract: social trends and political challenges. *Metascience*, Vol. 29, Issue 3, 493–496. DOI: 10.1007/s11016–020–00544-w.
63. Congleton, R. D. (2020). The institutions of international treaty organizations as evidence for social contract theory. *European Journal of Political Economy*, Vol. 63, Article Number 101891. DOI: 10.1016/j.ejpolco.2020.101891.
64. Acemoglu, D., Robinson, A. (2019). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. Penguin Books. (In Russ.).
65. Radishchev, A. N. (1952). *Full collection of works*. Vol. 3. Soviet Academy of Sciences. Available at: https://imwerden.de/pdf/radishchev_polnoe_sobranie_sochineny_tom_3_1952__ocr.pdf. (In Russ.).
66. Snegov, S. (2010). *Diktator [Dictator]*. Moscow, Eksmo. (In Russ.).
67. Hirschman, A. O. (1970). *Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States*. Harvard University Press.
68. Mueller, D. (2003). *Public Choice III*. Cambridge University Press.
69. Balatsky, E. V. (2014). Diskursivnaia ekonomika i ee vozmozhnosti [Discourse analysis in economics and its capabilities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost (Social Sciences and Contemporary World)*, No. 1, 163–176. (In Russ.).
70. Taleb, N. N. (2018). *Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life*. Random House.
71. Balatsky, E. V. (2020). Uchenie o neergodichnosti sotsialnogo mira (The Non-Ergodicity of the Social World). *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology]*, Vol. 29, No. 1, 174–193. DOI: 10.17323/1811–038X-2020-29-1-174-193. (In Russ.).
72. Zaitsev, A. V. (2017). Dialog gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii: faza genezisa (1985–2000 gg.) [A dialogue between state and civil society in contemporary Russia: The genesis phase (1985–2000)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia [Genesis: Historical Research]*, No. 6, 118–130. DOI: 10.25136/2409–868X.2017.9.21989. (In Russ.).
73. Balatsky, E. V. (2011). Kognitivno-institutsionalnyi sintez D. Norta [Cognitive and institutional synthesis of D. North]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost (Social Sciences and Contemporary World)*, No. 5, 154–166. (In Russ.).
74. North, D. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balatsky Evgeny Vsevolodovich

Doctor of Economics, Professor, Director of the Macroeconomic Research Center of the Department of Economic Theory, The Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49); Leading Staff Scientist, The Central Economics and Mathematics Institute Moscow, Russia (117418, Moscow, Nakhimovsky Prospect, 47); ORCID 0000-0002-3371-2229; e-mail: evbalatsky@inbox.ru.

Ekimova Natalia Aleksandrovna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Staff Scientist, Center for Macroeconomic Studies, The Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow, Russia (125993, Moscow, Leningradsky Prospect, 49); ORCID 0000-0001-6873-7146; e-mail: n.ekimova@bk.ru.

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared as part of the state assignment of the Government of the Russian Federation to the Financial University for 2022 on the topic «Socio-economic development in the era of global system transformation».

FOR CITATION

Balatsky E. V., Ekimova N. A. Social Contract Phenomenon: Evolution of Concepts and Modern Interpretations. *Journal of Applied Economic Research*, 2022, Vol. 21, No. 3, 604–636. DOI: 10.15826/vestnik.2022.21.3.021.

ARTICLE INFO

Received June 15, 2022; Revised July 19, 2022; Accepted August 12, 2022.

